

Коблов Яков Дмитриевич

**Мифология казанских
татар**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я47

Я47 **Яков Дмитриевич К.**
Мифология казанских татар / Коблов Яков Дмитриевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 49 с.

ISBN 978-5-519-89500-2

ISBN 978-5-519-89500-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смутное представленіе о баснословныхъ существахъ и повѣрьяхъ, и только старики да старухи продолжаютъ вѣрить въ ихъ существованіе. Да и они дѣлятся своими свѣдѣніями неохотно и нерѣдко съ оговорками: теперь уже этому не вѣрятъ, или напр. въ такомъ видѣ: теперь лѣшаго или водяного нѣтъ. Образованные изъ татаръ, главнымъ образомъ въ магометанскомъ духѣ, при разговорахъ о вопросахъ міеологіи обыкновенно заявляютъ, что вѣдь ничего этого нѣтъ, желая этимъ указать на несерьезность міеологическихъ преданій.

Трудность собирать свѣдѣнія изъ области татарской міеологіи единолично побудила меня обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ нѣкоторымъ лицамъ, близко стоящимъ къ народной татарской средѣ. Въ настоящее время я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, которые оказали мнѣ то или иное содѣйствіе, а именно: священникамъ казанской епархіи о.о. Ляпидовскому и М. Чебешеву, мулламъ казанской губерніи Ф. М. Мухутдинову, Кяриму и Харису Маликовымъ, елабужскому муллѣ И. Хузаханову, мулламъ Бондюжскаго завода елабужскаго уѣзда Ш. Сюндукову, учителямъ русско-татарскихъ училищъ елабужскаго уѣзда М. Сагаеву, А. Абдуллину, А. Мратову, К. Мратову, С. Исмагилову, К. Сахабитдинову, учителю мектеба тамбовской губерніи Латыфу Маликову, учителямъ народныхъ училищъ Э. Трофимову, Е. М. Медвѣдову и Н. А. Туберовову. Путемъ сопоставленія, сравненія и провѣрки на мѣстахъ доставленнаго матеріала, а также путемъ свѣрки его съ статьей Абдуль-Каюма Насырова я, вѣжета, составилъ болѣе или менѣе правильное представленіе о народныхъ повѣрьяхъ казанскихъ татаръ, которое и излагаю ниже. Не могу въ заключеніе не высказать благодарности Н. О. Катанову, который обратилъ мое вниманіе на татарскую міеологію, какъ на очень интересный предметъ для изслѣдованія. Безъ этого совѣта или побужденія я колебался и сомнѣвался относительно значенія этого вопроса въ области этнографіи и потому откладывалъ это дѣло до неопредѣленнаго, во всякомъ случаѣ далекаго будущаго.

Соотвѣтственно характеру міеологическихъ представленій, они распределены мною на три части: 1) вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя (міеическія) существа; 2) повѣрья, ворожба и гаданія; 3) примѣты.

I.

Вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя существа.

Ой эясе (домовой).

Баснословныя существа, по вѣрованію казанскихъ татаръ, живутъ повсюду,—и въ домахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу, и въ водѣ. Начнемъ описаніе ихъ съ существъ перваго разряда, живущихъ въ домахъ и во дворахъ, а потому ближе всѣхъ другихъ стоящихъ къ человѣку. Среди нихъ почетное мѣсто занимаетъ Ой эясе (домовой).

Ой эясе (хозяинъ дома, домовой) жилищемъ своимъ обыкновенно избираетъ подполье, откуда и выходитъ по ночамъ. Въ воображеніи татарина онъ рисуется старикомъ, носящимъ довольно длинные волосы. Домовой заботливый хозяинъ и, по признанію татаръ, даже полезная тварь. Онъ оберегаетъ домъ, въ предчувствіи бѣды всю ночь ходитъ, бозпоеится и вздыхаетъ. Если случится какое либо несчастье ночью, напр., пожаръ, а люди спятъ, онъ будитъ ихъ, трясетъ за ноги или стучитъ.

Обыкновенныя занятія домового слѣдующія: ночью онъ чешетъ голову; иногда сѣетъ рѣшстомъ муку, это—признакъ хорошій, обещающій богатство; воетъ домовой не къ добру,—это означаетъ приближеніе бѣдности. Можно слышать иногда, какъ домовой прядетъ ленъ, но самого домового въ это время не бываетъ видно. Домовой прядетъ только ту пряжу, которая остается на прялкѣ неоконченной. Если это забудь послѣ него будетъ прясть эту пряжу, то непременно захвораетъ, поэтому лучше всего не оставлять на ночь пряжу на прялкѣ, или уже, если необходимо оставить, то только перекинуть ее спереди назадъ на прялку, и тогда домовой прясть не будетъ.

При хорошихъ отношеніяхъ домовой бываетъ благодушнымъ, заботливымъ хозяиномъ. Полезно его иногда умиловать. Чтобы умиловать домового, хозяинъ дома долженъ давать милостыню. Эта милостыня раздается обыкновенно въ „русскій“ воскресный день и носитъ названіе „якшамбе садавасы“.

Когда домовый гнѣвается, а хозяинъ не пытается ничѣмъ угодить ему, то съ обитателями дома могутъ происходить и несчастія, какъ то чесотка, чирьи и другія болѣзни; бываетъ и падежъ скота, хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ уже Абзаръ эясы, а непосредственно домовый имѣетъ отношеніе только къ животнымъ, живущимъ въ домѣ, напр. къ кошкѣ. Въ особенности не правится домовому, когда кто либо мочится въ подполье;—въ этомъ случаѣ для его умиловленія необходимо варить кашу, иначе не избѣжать опухоли и связанныхъ съ ней мучительныхъ болей. Не любитъ домовый, когда ему перечать. Напр., онъ имѣетъ обыкновеніе заплетать волосы, бороду не только себѣ, но и живущимъ въ домѣ. Не нужно ихъ расплетать, пока сами не расплетутся. Если же заплетенные имъ волосы и бороду расплеть или, что еще хуже, отрѣжешь, то непременно или умрешь, или сдѣлаешься уродомъ, или привлечется какое нибудь другое несчастіе.

При выдѣленіи части семейства для жительства въ новый домъ необходимо соблюсти по отношенію къ домовому нѣкоторые обряды, своего рода умиловленіе его или прощаніе съ нимъ, чтобы жизнь въ новомъ домѣ была спокойной и благополучной. Вотъ что для этого дѣлаетъ сынъ, отдѣляющійся отъ своего отца. Въ полночь онъ приходитъ съ хлѣбомъ въ домъ родителей, конечно съ согласія послѣднихъ, и спускается въ подполье. Тамъ, зажегши три свѣчи, онъ беретъ нѣсколько земли, уноситъ ее домой и высыпаетъ въ подполье новаго дома. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы на пути никто не встрѣтился. Если кто нибудь встрѣтится, даже животное, то этотъ обрядъ становится бесполезнымъ и нужно изъ подполья вторично брать землю, чтобы достигнуть желаннаго результата,—счастливой и спокойной жизни въ новомъ домѣ.

Приведемъ разсказъ одного татарина дер. Балтачевой лаишевскаго уѣзда, казанской губ. о томъ, какъ онъ видѣлъ домового (Ой эясе).

„Однажды въ лунную ночь, проснувшись, я вижу предъ собою предметъ, похожій на человѣка. Я рѣшилъ, что это Ой эясе (домовой), и въ то же время постарался, чтобы онъ не замѣтилъ, что я не сплю. Домовой же въ эту минуту сидитъ себѣ спокойно на скамьѣ и прядетъ; звукъ веретена

слышенъ по всей комнатѣ. Онъ весь былъ бѣлый какъ полотно; голова у него была покрыта какъ будто длинными волосами, но черты лица я никакъ не могъ разобрать, потому что онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Потомъ домовой, должно быть, почувствовалъ, что я не сплю, быстро всталъ, взялъ свою прялку и скрылся за печкой“.

Другой рассказъ (его же).

„У насъ была бѣлая кошка, которой жилось хорошо и привольно. Послѣ нея мы завели черную, но сколько мы ее ни кормили, она всегда была худая. Мы постоянно удивлялись, почему у насъ кошка не поправляется, какъ бывшая бѣлая, потомъ начали догадываться, что ее навѣрное мучить домовой. И догадка эта оправдалась. Узналъ я объ этомъ такъ: разъ, возвращаясь съ поля, вхожу я въ избѣ и слышу, кто то шебаршитъ на печи; посмотрѣлъ я вездѣ, нѣтъ никого, а кошка вся измучена и лежитъ на полу. Это ее мучилъ домовой. Послѣ этого мы черную кошку отдали сосѣду, а сами завели опять бѣлую, и она у насъ была всегда сытая, жирная и веселая“.

Абзаръ эясе (хозяинъ хлѣвовъ).

Кромѣ хозяина дома—Ой эясе (домовой), по повѣрью казанскихъ татаръ, существуетъ еще Абзаръ эясе—хозяинъ хлѣва, обитающій на дворѣ или въ хлѣву. У русскихъ нѣтъ соответствующаго названія для Абзаръ эясе, такъ какъ, по рассказамъ русскихъ, обязанности послѣдняго несетъ тотъ же домовой, и у нихъ нѣтъ различія, какъ у татаръ, между домовымъ и хозяиномъ хлѣва. Это одно и то же существо.

По рассказамъ татаръ, Абзаръ эясе по преимуществу—властелинъ скота. Иногда Абзаръ эясе показывается людямъ въ образѣ чловѣка или животныхъ, но только издали и ночью. Къ скоту онъ имѣетъ ближайшее отношеніе. У любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, приносить ей кормъ. Лошадь, которую почему либо Абзаръ эясе не влюбилъ, онъ всю ночь мучить, всю ночь на ней ѣздитъ, отнимаетъ у ней кормъ, который передаетъ любимой лошади. Такія лошади дѣлаются скучными, худыми; ихъ лучше скорѣе всего сбыть со двора, чтобы онѣ окончателно не погибли.

Вотъ что разсказалъ одинъ татаринъ о дѣйствіяхъ Абзаръ эясе. „Мы при отцѣ держали гнѣдыхъ лошадей. Лѣтъ черезъ восемь, по смерти отца, я одного гнѣдка зарѣзалъ, такъ какъ подѣ старость онъ плохо работалъ, а вмѣсто него купилъ хорошую вороную лошадь. Но сколько ни кормилъ я эту новопкупку, она у насъ начала худѣть да худѣть. Грива у ней, какъ и у другихъ лошадей, была прекрасно завита при покупкѣ, а теперь день ото дня развивалась и стала короткою. Черезъ годъ я продалъ эту лошадь уже только за полдѣны и купилъ другого гнѣдка, который пришелся ко двору. Теперь я хорошо знаю, что на нашемъ дворѣ нельзя заводить скотины съ черною мастью—ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ. Скотину съ черной мастью не любитъ Абзаръ эясе и губить ее.

Какъ и съ домовымъ, съ Абзаръ эясе нужно соблюдать хорошія отношенія, необходимо угождать ему и по временамъ умилостивлять его. Не любитъ особенно Абзаръ эясе, когда кто либо мочится въ колоду. Въ этомъ случаѣ, чтобы избѣжать бѣды, необходимо варить въ честь его кашу. Въ случаѣ сильнаго гнѣва Абзаръ эясе можетъ навести падежъ на скотъ.

Б и ч у р а.

Бичура—это баснословное существо, то же, что у русскихъ викимора или „сосѣдка“.

Бичура представляется татарину въ видѣ женщины—ростомъ отъ полутора до двухъ аршинъ; на голову у нея надѣтъ ирпакъ (старинный женскій татарскій головной уборъ).

Бичура живетъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ—на подволокахъ, въ подпольѣ и въ баняхъ, но не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ хозяевъ. Нѣкоторые отводятъ для нея особую комнату, гдѣ ее поятъ и кормятъ. На ночь оставляется тарелка съ пищей и нѣсколько ложекъ. На утро въ тарелкѣ бичура ничего не оставляетъ, все съѣдаетъ. А если разсердится за что нибудь на хозяина, то разбиваетъ чашку, въ которой ей подается пища, и раскидаетъ все, что попадетъ ей подѣ руку.

Бичура нерѣдко во снѣ давитъ человѣка, любитъ внезапно пугать его и вообще озорничаетъ надъ людьми. Вдругъ откуда ни возмись, пролетитъ вирпичъ, полѣно. Кто бросилъ полѣно, не знаютъ. Изъ-за Бичуры иногда бросаютъ дома: жить бываетъ нельзя, особенно одинокимъ. По татарскимъ разсказамъ,

одинъ мулла просто измучился съ Бичурой: то валенкой въ него пустить, то полѣномъ съ печки, то кирпичемъ изъ-за печки, просто бѣда да и только. Что дѣлать? У муллы было ружье. Онъ зарядилъ его еще днемъ, а къ вечеру положилъ его съ собою на постель. Какъ только наступила полночь, прилетѣлъ съ печки кирпичъ, прямо на постель къ муллѣ. Мулла, не думая долго, схватилъ ружье и выстрѣлилъ прямо на печку. Сколько однако мулла ни стрѣлялъ, а толку было все мало: валенки, ичиги, старая шапка, лучина такъ на муллу и сыпались. Вотъ однажды мулла лежитъ на постели и слышитъ голосъ съ печки: „Мулла, ты—человѣкъ грамотный, прочитай такую то молитву, тогда стрѣлай“. Мулла такъ и сдѣлалъ, прочиталъ молитву и выстрѣлилъ. Попалъ ли мулла въ Бичуру или нѣтъ,—нельзя вѣстно, но только послышался жалобный плачь съ печки. Съ той поры мулла спалъ спокойно: никто не швырялъ въ него всякаго дранью.

Какъ давить Бичура человѣка,—объ этомъ одинъ татаринъ передаетъ слѣдующій рассказъ, слышанный имъ отъ своего отца. „Въ 1863 г. мой отецъ служилъ мельникомъ на мельницѣ у помѣщика Юнусова близъ дср. Мордвы. Одинъ разъ часовъ въ 11 ночи онъ пришелъ съ мельницы въ рабочій домъ, въ которомъ спали двое рабочихъ—русскій мужикъ съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ, когда мой отецъ еще не уснулъ, вдругъ съ потолка падаетъ женщина, ростомъ не болѣе поларшина, на головѣ у ней ирпакъ; она подходитъ къ ногамъ моего отца. Отецъ быстро толкнулъ ее ногой, она упала на полъ со стукомъ, какъ будто бы упала на полъ двухпудовая гиря. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, вдругъ русскій мальчикъ началъ тяжело дышать и произносить во снѣ разные пѣсные звуки, какъ будто съ нимъ былъ кошмаръ или кто нибудь давилъ его. Несомнѣнно давила мальчика упавшая съ потолка Бичура. Когда отецъ разбудилъ мальчика, то онъ сказалъ, что его во снѣ кто то сильно давилъ“.

Но Бичура не только давить людей во снѣ и занимается озорствомъ, она иногда бываетъ очень полезна. Полезна она тѣмъ, что приноситъ хозяину дома деньги и многое другое, въ чемъ нуждается хозяинъ. У кого живетъ Бичура, тотъ нерѣдко богатѣетъ, и наоборотъ, по изгнаніи Бичуры, онъ становится бѣднымъ. Объ этомъ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у указнаго муллы деревни Киски асты лаишевскаго уѣзда жила Бичура. Мулла богатѣлъ съ каждымъ днемъ. Денегъ и скота у него стало много. Скотъ былъ сытый и красивый. Оказалось, что Бичура приносила ему деньги ночью, ворую ихъ у сосѣдей, а лошадей кормила овсомъ изъ житницы сосѣдей. Когда мулла достаточно разбогатѣлъ, Бичура ему стала не нужна, надобла, и опъ рѣшилъ ее выпроводить изъ своего дома. Для этого мулла привезъ изъ одной деревни татарку ворожею, которая бы нашептываніемъ удалила Бичуру. Какъ только ворожея вѣхала во дворъ, загорѣлись у муллы надворныя строенія. Поджога и неосторожнаго обращенія съ огнемъ при этомъ не было. Черезъ пять-шесть часовъ мулла остался нищимъ. Все у него сгорѣло: и домъ, и имущество, и скотъ. Дома сосѣдей уцѣлѣли.

Баснословныя существа, обитающія въ лѣсу и въ полѣ.

Шуряле (лѣшій).

Шуряле имѣетъ жительство въ дремучихъ лѣсахъ. По внѣшнему виду онъ похожъ на человѣка; у него очень длинные, крѣпкіе пальцы до трехъ вершковъ длины ¹⁾ и необычайно длинныя сосцы, которыя онъ закидываетъ черезъ плечо. По разсказамъ нѣкоторыхъ, Шуряле любятъ уводить человѣка въ самый глухой лѣсъ, гдѣ нѣкоторые неопытные люди погибаютъ. Послышится голосъ, какъ бы зовущій человѣка, — человѣкъ пойдетъ на этотъ голосъ, голосъ отдаляется, человекъ идетъ за нимъ все дальше и дальше и наконецъ заплутается. Такъ Шуряле заманиваетъ неопытныхъ людей въ себя. Впрочемъ двухъ человѣкъ или даже одного съ собакой Шуряле боится и нападаетъ только на одинокихъ.

Показываются людямъ Шуряле большею частью весною и лѣтомъ во время восхода и захода солнца. При встрѣчѣ съ человѣкомъ Шуряле называется по имени, иногда притворяется сбившимся въ лѣсу съ дороги и просить о помощи.

¹⁾ Его пальцы нерѣдко находятъ въ известнякѣ: татары обращаютъ ихъ въ лѣкарство, растгравъ въ порошокъ и посыпая этимъ порошокомъ раны. У русскихъ они называются чертовыми пальцами.

Иногда плачетъ, а иногда весело разговариваетъ и смѣется, такъ что кого угодно можетъ расположить въ свою пользу.

На вопросы Шуряле никогда не отвѣчаетъ, но самъ любить спрашивать. Никогда не слѣдуетъ ему показывать зубы во рту. Какъ только Шуряле увидитъ зубы у человѣка, начинаетъ его щекотать и щекочетъ до смерти.

Имѣя длинныя, крѣпкія, какъ бы оловянные пальцы, Шуряле очень любить это занятіе — щекотать людей. Немало людей и животныхъ погибло отъ щекотанья Шуряле. Каждому встрѣчному Шуряле предлагаетъ играть въ кытыкы-мытыкы (щекотку). Увидитъ человѣка, бѣжитъ за нимъ и еще издали кричитъ: кытый-кытый уйныйы, — давай въ щекотку играть. Игра эта — очень опасная. Сколько бы человѣкъ ни кричалъ, ни умолялъ о пощадѣ, Шуряле не перестанетъ его щекотать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ.

Умудренные опытомъ люди говорятъ, что для спасенія отъ Шуряле нужно бѣжать въ ручью или рѣкѣ и перескочить черезъ нее. Шуряле боится воды и, не имѣя возможности перейти ручей или рѣчку, спрашиваетъ: „гдѣ начало рѣчки?“ Нужно показывать ему не начало рѣки, а низъ. Шуряле, желая найти начало рѣки, бросится бѣжать по берегу внизъ по теченію, дойдетъ до моря и вынужденъ бываетъ возвратиться ни съ чѣмъ. Если-же ему показать правильно начало рѣки, онъ быстро оббѣжитъ кругомъ нея и, поймавъ человѣка, защеочетъ его до смерти.

Нѣкоторые прибѣгаютъ къ хитрости такого рода. Встрѣвившись съ Шуряле, предлагаютъ ему играть въ щель. Шуряле соглашается. Тогда татаринъ ударомъ топора дѣлаетъ въ деревѣ щель и вставляетъ въ нее клинъ. Шуряле просунетъ палецъ въ щель и прищемитъ его деревомъ, если во время выхватить клинъ. Въ этихъ случаяхъ татаринъ обыкновенно называетъ себя именемъ „былтыръ кысты“ (прошлый годъ ущемилъ). Когда Шуряле завопитъ отъ боли, то онъ будетъ кричать: былтыръ кысты. Сбѣжавшіеся товарищи не поймутъ его и будутъ смѣяться надъ нимъ, потому что прошлый годъ уже прошелъ. Тѣмъ временемъ скрывшійся татаринъ успѣетъ убѣжать домой.

Шуряле — большой любитель ѣздить на хорошихъ лошадяхъ. Если на опушкѣ лѣса пасется табунъ лошадей, Шуря-

де непременно выберетъ самаго хорошаго воня и скачетъ на немъ до тѣхъ поръ, пока конь не издохнетъ. Когда лошадь съ поля возвращается потная, это значитъ—навѣрное на ней ѣздилъ Шуряле. Для того, чтобы отучить Шуряле мучить лошадей, нужно помазать лошади спину смолой. Шуряле сядетъ на нее, не можетъ оторваться отъ смолы и прѣвѣжаетъ въ деревню. Такъ изловили многихъ Шуряле, при этомъ однихъ сожгли въ банѣ или на кострѣ, другихъ умертвили палками. Но жителей такихъ деревень постигаетъ проклятіе Шуряле. Число дворовъ послѣ умерщвленія Шуряле не увеличивается, и жители влачатъ жалкое существованіе.

Вотъ нѣсколько разсказовъ о гибели Шуряле и о послѣдствіяхъ этого для лицъ, погубившихъ его. Жители одного починка, находившагося вблизи лѣса, много потерпѣвъ отъ нападений Шуряле на ихъ лошадей, ухитрились поймать его. Они намазали спину самаго хорошаго воня смолой и пустили въ табунъ. Къ вечеру видятъ, что на этомъ самомъ конѣ, сломя голову, скачетъ женщина (Шуряле). Конь, чуя на себѣ незнакомаго и страннаго всадника, полнымъ ходомъ присекалъ прямо въ починокъ. Сбѣжалась вся деревня посмотрѣть на это чудовище. Шуряле сидѣла на лошади лицомъ назадъ и все ревелъ. На немъ не было никакого платья, голова маленькая, волосы короткіе, глаза большіе, груди какъ у женщины, висѣли черезъ плечо. На вопросы онъ не отвѣчалъ, а только ревелъ: былтыръ кысты (прошлый годъ прищемилъ).

При видѣ такого всадника сначала всѣ удивлялись и не знали, какъ съ нимъ поступить. Но затѣмъ, порѣшивъ на сходѣ, сожгли его на кострѣ. Предъ казнью Шуряле жалостно просилъ ихъ отпустить его, но они не исполнили его просьбы. За это Шуряле ихъ проклиналъ. Жители этого починка теперь живутъ очень бѣдно. Число дворовъ не превышаетъ пятнадцати. Никто не имѣетъ двухъ изобъ или стараго хлѣба. Что только ни заработаютъ, все до копѣйки пропиваютъ. Живутъ, не думая о завтрашнемъ днѣ и о дальнѣйшемъ существованіи. По ихъ же объясненію живетъ имъ такъ плохо потому, что ихъ праѣды казнили Шуряле, а Шуряле предъ казнью проклиналъ ихъ самихъ и ихъ потомство. И вотъ теперь Богъ ихъ наказываетъ по просьбѣ Шуряле.

По разсказу въ другой варіаціи, жители деревни, поймавъ Шуряле, долго не могли съ нимъ справиться. Цѣлымъ

обществомъ они начали его бить, но убить до смерти никакъ не могли его. Тогда они бросили Шурале съ врутой горы, но онъ безъ всякаго вреда для себя скатился внизъ сидя, поднявши ноги кверху. Его опять поймали, привязали въ дереву и уже тогда сожгли. Послѣ этого въ той деревнѣ постоянно бываютъ пожары и ни въ чемъ нѣтъ прибыли. Лошадь послѣ сожженія Шурале пропала.

Разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, очень много. Во всѣхъ этихъ разсказахъ однообразно передается о способѣ изловленія Шурале, о его гибели; о провлятіи погубившихъ его и о послѣдующихъ несчастіяхъ съ жителями деревни, такъ что, когда татары видятъ захудалую маленькую деревню, то обыкновенно говорятъ: „Шурале каргаган“,—Шурале прожлялъ.

А вотъ разсказъ одного татарина о томъ, какъ Шурале завелъ его дѣда въ самую глушь лѣса.

„Пошелъ мой дѣдъ однажды въ лѣсъ работать. Лѣсъ тогда былъ не такой какъ теперь, а очень большой и густой. Когда онъ работалъ тамъ, ему послышался голосъ, который звалъ его къ себѣ. Дѣдъ мой былъ человѣкъ небоязливый и пошелъ на голосъ. Шелъ, шелъ, а голосъ какъ бы все дальше уходитъ въ глубь лѣса. Начало уже смеркаться, дѣдъ хотѣлъ поворотить домой, да не тутъ то было: идетъ, идетъ, а придетъ какъ будто на старое мѣсто. Такъ дѣдъ проплау-талъ всю ночь, а изъ лѣсу все же не вышелъ. Вышелъ изъ лѣсу дѣдъ только въ полдень и то не къ своей деревни, а совершенно въ противоположную сторону—къ вотякамъ, верстъ за пятнадцать отъ нашей деревни.

Когда наступила ночь, а моего дѣда все еще не было дома, отецъ его и мать стали тревожиться. Собрали родныхъ и сосѣдей и отправились въ лѣсъ за дѣдомъ. Пришли въ лѣсъ, нашли то мѣсто, гдѣ работалъ дѣдъ, а его нѣтъ. Стали кричать—не отѣливается, искать—нигдѣ нѣтъ. Порѣшили, что дѣдъ ушелъ въ сосѣднюю деревню къ роднѣ въ гости, и воротились домой. Но мать дѣда не успокоилась, а заставила утромъ мужа сходить къ муллѣ, чтобы онъ помолился Богу за сына, и при этомъ обѣщала Богу жертву, чтобы Богъ избавилъ ихъ сына отъ шайтана. Какъ только мулла помолился Богу, пришелъ и мой дѣдъ домой—тощій, даже какъ будто больной. Весь день дѣдъ спалъ, только на другой день